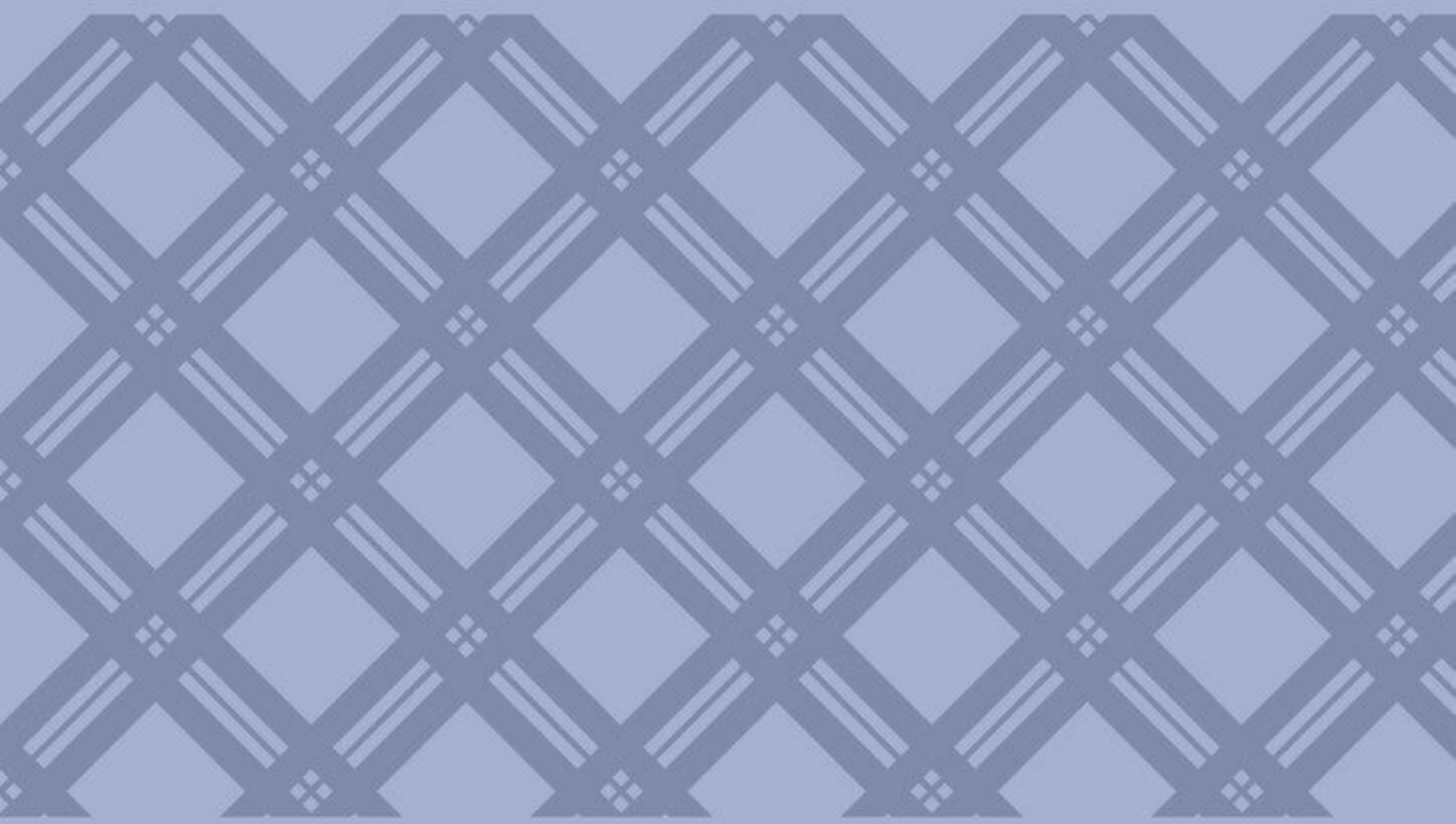

18+

Любовь Зайцева

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ВЕРНУЛАСЬ

Путь через потери, любовь к себе и новое
начало

Любовь Зайцева

**Женщина, которая вернулась.
Путь через потери, любовь
к себе и новое начало**

«Издательские решения»

Зайцева Л.

Женщина, которая вернулась. Путь через потери, любовь к себе и новое начало / Л. Зайцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691774-3

Она потеряла всё — любовь, близких, уверенность в себе... Но вернулась сильнее, чем когда-либо. История о боли, страхе одиночества и о том, как одна женщина снова научилась жить, любить и творить свою судьбу.

ISBN 978-5-00-691774-3

© Зайцева Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Там, где начинается дорога	6
Глава вторая	8
Дом, где учатся быть сильной	8
Глава третья	10
Имя, которое больше не звучало	10
Глава четвёртая	12
Возвращение	12
Глава пятая	14
Брак, испытания и пустота	14
Глава 6	15
Виктор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Женщина, которая вернулась Путь через потери, любовь к себе и новое начало

Любовь Зайцева

*«Сквозь боли, потери и страхи
мы учимся любить себя,
видеть мир и людей.
Каждое падение рождает силу,
а каждая потеря – благодарность.
И именно в этих искрах жизни
раскрывается настоящая свобода
и радость, которую мы носим в сердце.»*

© Любовь Зайцева, 2026

ISBN 978-5-0069-1774-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Там, где начинается дорога

Посёлок начинался с тишины.

Не с таблички, не с остановки, – а с тишины, в которой по утрам слышно, как петухи перекликаются через огороды, а вечером – как поезд далеко-далеко вздыхает в темноте.

Асфальт здесь был только на центральной улице. Дальше – пыльная дорога, утоптанная тысячами ног, велосипедных колёс и детских босых пяток. По весне она превращалась в вязкую глину, по лету – в мягкую, тёплую пыль, а осенью – в бесконечные лужи, отражающие серое небо.

На самой окраине, где посёлок словно сдавался природе, жила Любаша.

За её домом начинался луг. Настоящий – широкий, шумный, живой. Травы там росли выше колен, ромашки прятались между стеблями, а васильки смотрели прямо в небо, будто знали какую-то важную тайну. За лугом стоял лес – тёмный, серьёзный, пахнущий хвоей и грибами.

Любаша любила это место.

Ей казалось, что, если долго сидеть на пригорке и смотреть, как ветер гоняет траву, можно услышать, как жизнь разговаривает сама с собой.

Она росла подвижной девочкой – с вечными ссадинами на коленях, растрёпанными косичками и глазами, в которых всегда было больше мыслей, чем слов. Друзей у неё было много – и мальчишек, и девчонок. С мальчишками она бегала по лугу, играла в войну, строила штабы из веток и умела командовать так, что её слушались даже самые упрямые.

С девочками они играли в школу. Любаша была учительницей – конечно же. Она сажала кукол в ряд, строго поправляла им «осанку» и выводила мелом буквы на маленькой деревянной доске.

Эту доску ей сделал папа.

Он долго строгал дерево, потом покрывал его лаком, аккуратно, как будто делал что-то очень важное. Доска пахла свежей древесиной и чем-то надёжным – папиным. Любаша берегла её как сокровище.

Папа вообще был человеком, рядом с которым мир казался прочным.

Он сделал и песочницу – большую, с ровными бортиками. Там Любаша строила замки. Не просто горки из песка – а настоящие дома с башнями, окнами и «двором». Она могла часами сидеть, прищурившись, и мысленно достраивать крошечные лестницы и залы.

«Это будет большой дом», – говорила она подружкам.

– И там все будут работать вместе. Семьёй.

Слова были странные для того времени. Тогда не говорили «семейный бизнес», не мечтали о своём деле. Но Любаша не знала, что «так не принято». В её голове уже жила другая жизнь.

Она рано научилась читать. Буквы складывались в слова легко, будто сами тянулись друг к другу. Книги она проглатывала одну за другой, и каждая оставляла след – тонкий, но прочный.

Летом они с друзьями устраивали концерты для родителей.

Девчонки пели, читали стихи, мальчишки изображали героев. Любаша выходила первой – уверенно, с прямой спиной. Ей нравилось, когда взрослые смотрели на неё внимательно. Когда кивали. Когда аплодировали.

Зимой жизнь менялась. Луг засыпало снегом, лес становился тише, а дети строили снежные крепости и катались с горки до темноты. Любаша мёрзла, но не уходила домой первой. Она не любила быть последней – ни в чём.

В школе она училась легко. Цифры слушались, слова складывались правильно, задачи решались быстрее, чем у других. Учителя хвалили, ставили в пример. Любаша привыкала к этому взгляду – одобрительному, внимательному.

Она не сразу поняла, что этот взгляд ей нужен как воздух.

Дома было по-другому. Мама много работала. В доме часто звучали голоса – резкие, уставшие, напряжённые. Любаша не всегда понимала, из-за чего спорят взрослые, но чувствовала: здесь нельзя быть слабой. Здесь надо держаться.

Иногда, лежа вечером под одеялом, она вдруг ощущала странное чувство – будто внутри неё есть что-то лишнее. Что-то не такое, как у других.

Она не могла это назвать, но точно знала: **чтобы её любили, нужно быть лучшей.**

И она старалась.

Глава вторая

Дом, где учатся быть сильной

Подростковый возраст вошёл в жизнь Любы не хлопком двери, а сквозняком.

Вроде бы всё по-прежнему – тот же дом на окраине посёлка, тот же лес за огородами, те же тропинки, по которым она бегала босиком. Но внутри будто сместилось что-то важное, и мир стал требовать от неё больше, чем раньше.

Дом жил своей сложной жизнью.

Мама, Вера, была женщиной сильной и уставшей. Она много работала, приходила поздно, с тяжёлым взглядом и напряжёнными плечами. Любовь в ней была – Любаша это чувствовала – но она редко находила дорогу наружу.

Вера любила делом, а не словами. Порядком. Требованиями. Ожиданиями.

– Ты же умная девочка, Любаша. Ты должна понимать, – часто говорила она.

И Любаша понимала.

Слишком рано.

Отец, Александр, был другим. Он умел смеяться, умел делать вещи руками, умел быть рядом молча. Он чинил, строгал, мастерил – и в этом было больше любви, чем в любых словах. Когда он смотрел на Любу, ей казалось, что она уже хорошая. Просто так.

Но между родителями всё чаще возникали ссоры. Не громкие – тяжёлые. Они не кричали, они **молчали**. А это было страшнее.

Любаша научилась улавливать напряжение по звуку шагов, по тому, как закрывается дверь, по тому, как мама ставит чашку на стол. В такие вечера она старалась быть незаметной. Или наоборот – идеальной.

Пятёрки. Грамоты. Активность.

Если я буду лучшей – они не будут ругаться.

Рядом всегда была другая семья – как будто запасной дом.

Тамара и Виктор жили по соседству. У них было шумно, тепло и как-то по-настоящему. Они часто смеялись, спорили, но мирились быстро. Их дом пах пирогами и свежим бельём.

Их дочери – Ольга и Ирина – были частью Любиной жизни.

Ирина, ровесница, была её зеркалом и контрастом одновременно: смелая, громкая, живая. Она могла сказать то, что Любаша только думала.

Ольга, младшая, тянулась к Любе, как к старшей сестре.

У Тамары Любаша иногда задерживалась дольше, чем нужно. Там можно было просто сидеть на кухне и не бояться. Там не нужно было быть лучшей.

Но домой всё равно приходилось возвращаться.

В школе Любаша быстро повзрослела. Она вытянулась, стала строже, внимательнее к себе. Учёба давалась легко, и учителя это чувствовали. Её ставили в пример, поручали важное.

Ей нравилось быть нужной.

Однажды это «быть нужной» приняло другую форму.

Вова подошёл после уроков – неловкий, краснеющий.

– Любаша... пойдём в кино?

Она согласилась. Сердце билось так, будто она бежала с горки.

Это было первое чувство – робкое, светлое, почти невесомое.

Но дома мама сказала:

– Рано. Нечего голову дурить.

Вера сказала это спокойно, без злости. Но для Любы эти слова прозвучали как приговор. Она не пошла.

Не объяснила.

Просто исчезла из этой маленькой мечты.

Вова обиделся. В школе началось то, что дети умеют делать особенно больно: насмешки, отстранённость, показное равнодушие.

Любаша держалась. Она умела держаться.

Если её задевали – она отвечала.

Если толкали – могла толкнуть в ответ.

Она не позволяла себя унижать.

Но вечерами, лежа в кровати, она смотрела в потолок и думала:

Почему со мной так сложно?

Ссоры дома участились. Мама становилась всё жёстче, папа – всё тише. Любаша чувствовала, как дом трещит, и снова брала на себя невидимую ответственность – быть опорой.

Учёба стала спасением. Там всё было понятно: если стараешься – получаешь результат. Там не нужно было угадывать настроение взрослых.

Она училась на отлично, участвовала во всём, рисовала стенгазеты, пела, организовывала различные конкурсы. Внутри росло ощущение: **«Я должна». «Я обязана». «Я не имею права подвести».**

К выпускному балу Любаша была красивой – строгой, собранной, почти взрослой.

Подруги смеялись, мечтали о любви, о будущем.

А у Любы внутри жила другая мечта – тихая, почти запретная.

Москва.

И психология.

Город, где можно начать сначала.

Профессия, которая обещала понять людей – и, может быть, наконец понять себя.

Но мама сказала:

– Только пединститут. Ты отличница. Никаких полумер.

Любаша снова кивнула.

Она умела соглашаться.

И не умела отказываться от себя – только откладывать.

Она ещё не знала, что именно это умение – терпеть, быть сильной и правильной – однажды станет её самым большим испытанием.

Глава третья

Имя, которое больше не звучало

Институт стал для Любы другим миром.

Больше воздуха, больше людей, больше свободы – и больше одиночества, чем она ожидала.

Она всё так же училась легко. Конспекты были аккуратными, ответы – точными, преподаватели – благосклонными. Любаша быстро стала «той самой отличницей», к которой обращаются за помощью и ставят в пример.

Её это успокаивало. В учёбе всё было честно.

А потом появился **Николай**.

Он сидел через два ряда – высокий, немного небрежный, с тёплой улыбкой и удивительно внимательным взглядом. Он умел слушать так, что Любаша вдруг ловила себя на желании говорить больше, чем обычно.

С ним было легко. И опасно.

Их роман вспыхнул внезапно, как ранняя весна.

Прогулки после пар, разговоры до темноты, смех без причины. Николай говорил, что рядом с ней спокойно. Что она «настоящая».

Любаша верила. Очень.

Подруга Лена была рядом с самого начала. Они вместе готовились к экзаменам, делились бутербродами, мечтали о будущем. Лена знала всё – и радость, и страхи, и то, как Любаша боится потерять.

А ещё была **Татьяна**.

Она была старше. Увереннее. Громче.

Она смотрела на Николая так, будто он уже принадлежал ей.

Любаша это чувствовала, но отгоняла тревогу: *мы же взрослые, мы же честные.*

Однажды Лена пришла странно взволнованная.

– Люба... я не знаю, как сказать... – она замялась.

– Говори, – тихо ответила Любаша.

– Все говорят, что Николай с Татьяной. Что у них... давно.

Слова упали, как стекло на кафель.

Любаша не спросила.

Не проверила.

Не поговорила.

Что-то внутри неё щёлкнуло – старое, знакомое.

Если тебя выбирают не сразу – значит, ты проиграла.

Она ушла. Резко. Молча.

Избегала встреч. Не объяснялась.

Она умела так – обрывать, чтобы не чувствовать.

Сердце болело так, будто его сжимали железными обручами. Она ходила на пары, улыбалась, писала конспекты – и рассыпалась по ночам, когда никто не видел.

Прошло время.

Правда всплыла случайно – чужим разговором, обрывком фразы.

Татьяна всё придумала. Николай был ни при чём.

Но было поздно.

Любаша не вернулась.

Не смогла.

С тех пор имя **Татьяна** стало для неё чужим. Колочим.

Она больше никого не подпускала близко.

Подруги стали приятельницами.

Любовь – опасной.

Она снова выбрала путь, который знала лучше всего:

быть сильной, быть правильной, быть одной.

И именно с этого момента началась её взрослая жизнь – без иллюзий, но с твёрдым убеждением: «**Полагаться можно только на себя**».

Когда боль от разрыва ещё не улеглась, жизнь ударила по-настоящему.

Отец умер внезапно.

Не было долгой болезни, не было времени подготовиться. Был звонок, после которого мир словно сдвинулся и стал чужим. Любаша помнила, как стояла с трубкой в руках и не сразу поняла слова – они будто проходили сквозь неё, не задерживаясь.

А потом пришло осознание.

И пустота.

Александр был тем человеком, рядом с которым можно было молчать. Он никогда не задавал лишних вопросов, не требовал объяснений. Он просто был. Его присутствие держало дом, даже когда в нём было трудно.

Когда его не стало, дом осел.

Не физически – внутренне.

На похоронах Любаша держалась. Она стояла ровно, принимала соболезнования, кивала. Люди говорили, что она сильная.

Она кивала – и соглашалась.

Плакать она позволила себе только ночью. Тихо. В подушку. Чтобы никто не видел.

Мама стала другой. Вера как будто окаменела. Она ещё больше ушла в работу, в контроль, в порядок. Любовь между ними стала ещё тише, ещё строже.

Любаша чувствовала: теперь она не имеет права быть слабой.

Папа больше не скажет:

– Всё будет хорошо, доченька.

Теперь это должна была говорить она сама себе.

Институт, утрата, предательство – всё сплелось в один тяжёлый узел. Любаша перестала мечтать вслух. Перестала ждать. Она выбрала выживание.

И именно тогда, почти незаметно, в её жизни появилась **другая роль** – не девочки, не девушки, а женщины, которая держит всё на себе.

Она не знала, что впереди будут любовь, дети, работа, потери и возвращения.

Она знала только одно: «**Если отпустить контроль – всё рухнет**».

И она держала.

Изо всех сил.

Глава четвёртая

Возвращение

Беременность не была планом.

Она случилась как будто между строк жизни – на фоне утраты, одиночества и усталости от постоянной борьбы.

Роман был коротким. Без обещаний. Без будущего.

Любаша не держалась за мужчину и не ждала от него чуда. Она уже умела не ждать.

Когда она поняла, что беременна, мир снова сузился.

Не от радости – от страха.

В то время это было почти приговором: женщина без мужа, с ребёнком на руках.

Не история любви – история для пересудов. Это произошло на последнем курсе пединститута.

Город жил своей жизнью – равнодушной, быстрой. Там никто не вглядывался, не шептался, не считал чужие шаги. Живот под пальто ещё можно было спрятать, а мысли – занять учёбой.

Она доучивалась упрямо, будто спешила закрыть дверь за одной жизнью, прежде чем открыть другую.

На седьмом месяце она получила диплом. В руках – папка, в сердце – тревога.

Возвращение в посёлок было неизбежным.

Именно там всё стало по-настоящему.

Там замечают.

Там помнят.

Там ничего не проходит незамеченным.

Соседка Ольга встретила её почти сразу – у калитки, будто ждала.

– Ну надо же... – протянула она, скользнув взглядом по округлившемуся животу. – А я-то думаю, что это тебя давно не видно.

Любаша ответила кивком и прошла мимо.

Слова не задели – задело знание: теперь всё известно.

Гораздо страшнее было другое – **мама**.

Она долго не решалась сказать. Откладывала разговор, надеясь найти правильные слова. Но таких слов не было.

Когда всё же призналась, стояла, сжав руки, готовая ко всему.

Вера слушала молча. Потом выдохнула.

– Ну что же... – сказала она наконец. – Значит, будем растить.

Ни упрёка. Ни крика. Ни стыда.

Только спокойная, взрослая решимость.

С этого момента Любаша впервые за долгое время почувствовала: она не одна.

Мама помогала во всём. Делом. Присутствием. Надёжностью.

Она не спрашивала лишнего – просто была рядом.

Совсем иначе отреагировала сестра.

– Ты понимаешь, что ты наделала? – говорила она резко. – Ты нас опозорила. Что люди скажут?

Эти слова ранили глубже, чем сплетни соседей.

Потому что были сказаны не чужими.

Любаша молчала.

Она уже умела молчать.

Роды оказались тяжёлыми. Боль была долгой, изматывающей, такой, что стирала границы между телом и страхом. В какой-то момент ей казалось, что она не справится.

Но справилась.

Когда дочурку положили ей на грудь, всё остальное отступило.

Мир сузился до этого дыхания, этого тепла, этой новой жизни.

Она смотрела на ребёнка и понимала: назад дороги нет.

И не нужно.

Впервые за долгое время все стало ясным.

Она смотрела на дочь и понимала: **«Ради тебя я выдержу всё».**

Она работала много. Брала подработки. Считала копейки. Иногда уставала так, что засыпала сидя.

Но когда возвращалась домой и видела дочку – сердце наполнялось тихим светом.

Соседка Ольга ещё долго качала головой, делала замечания, бросала фразы «не по-людски».

Любаша перестала слышать.

Она училась быть матерью – не по учебникам, а по сердцу.

Давала дочери то, чего сама когда-то не получила: тепло, слова, прикосновения.

И именно в этой простой, трудной жизни она впервые почувствовала: быть сильной – не значит быть жёсткой.

Иногда это значит просто любить.

Глава пятая

Брак, испытания и пустота

Одиночество не приходит сразу.

Сначала оно прячется в мелочах: в тишине по вечерам, в пустой кружке напротив, в вопросах, на которые некому отвечать вслух.

Любаша справлялась.

Работала, ухаживала за дочкой, считала копейки, когда заканчивались последние деньги. Она была сильной – такой, какой жизнь научила быть.

Брак казался решением. Январь выдался сырым: лужи, низкое серое небо, которое словно плакало вместе с ней. Разница в возрасте – пятнадцать лет – ощущалась сразу, как непреодолимая пропасть. Он был из другого мира, со своими правилами и привычками.

Беременность наступила практически сразу. Тяжёлая, изматывающая, с сильным токсикозом. Она едва смотрела на еду. Каждое утро было борьбой за дыхание, за силы. Врачи говорили о риске выкидыша, и Любаша провела недели на сохранении в больнице.

Сёстры мужа навещали её каждый день, приносили еду, уговаривали поесть, заботились, но эта забота не снимала страха и боли.

А потом она узнала об **измене мужа**. Тихо, без сцен – просто знание. Мир рухнул.

Развод был неизбежен.

Ребёнок, которого она носила был ненавистен. Она не могла принять ребенка предателя.

Прерывание беременности стало тяжёлым испытанием. Это была боль не только физическая, но и духовная: пустота заполнила сердце.

Кажется, жизнь остановилась.

Только доченька оставалась светом в этой тьме. Её смех, первые шаги, маленькие объятия – всё возвращало Любу к жизни, давало силы идти дальше.

Она работала, училась, растила дочку. Считала копейки, держала дом, заботилась о здоровье матери, иногда засыпала, не успев дойти до кровати.

Но когда возвращалась домой и видела дочурку, сердце наполнялось тихим светом.

Глава 6

Виктор

Два года – долгих, тихих и пустых – прошли после того, как жизнь забросила Любовь на край своей бездны. Она научилась скрывать страхи за улыбкой, держать сердце в узде, но ещё не знала, что оно может заговорить снова.

Он появился внезапно, словно солнечный луч, прорвавший тяжёлые тучи её будней. Рыжий, конопатый, с мягкой улыбкой и робким взглядом, Виктор был не тем, кого легко забыть. Они учились вместе в школе, но тогда он казался ей просто одним из множества знакомых. Теперь же, когда он заходил по работе, – он был мастер, а она нормировщик, – она вдруг заметила как он смотрит на неё, как тихо улыбается, когда проходит мимо, как осторожно проверяет, всё ли в порядке в её делах.

Сначала Любовь старалась не замечать этих взглядов. Она наблюдала, ждала момента, как охотница за искрой, которая вот-вот должна разгореться. Сердце учащённо билось, когда он подходил, и порой она ловила себя на том, что улыбается первой, хотя и пыталась скрыть эмоции.

Однажды понадобилась помощь: нужно было переделать полы в доме. Мужских рук у Любви не было – жили втроём: она, мама Вера и пятилетняя дочка. Виктор пришёл и принес с собой лёгкость. Его руки работали быстро и уверенно, смех переливался сквозь звон молотка и стук досок. Он шутил, чтобы снять напряжение, рассказывал истории о детстве. Каждое его появление становилось маленьким праздником.

Между ними вспыхнуло то, что трудно назвать словами – тихий огонь, который разгорается в груди и согревает душу. Он не требовал и не обещал, он просто был рядом. Через месяц Виктор сделал предложение, и Любовь согласилась. Она ощущала странную смесь тревоги и предчувствия счастья.

Дочь сразу полюбила его. Он читал ей книжки комичными голосами, смешил её до слёз, учил строить фигуры из конструктора. Любовь наблюдала за ними издалека и впервые за долгое время чувствовала спокойствие, настоящее, тихое, как рассветное солнце, пробивающееся сквозь листья.

Свадьба была назначена на конец октября. Казалось, что всё идёт по плану, но тучи уже сгущались. Родственники Виктора не одобрили выбор. Страна погружалась в кризис. Зарплаты задерживали месяцами, деньги были редкостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.